

На правах рукописи

Галимова Лейсан Хайдаровна

**Идиоматическое словообразование татарского и английского языков
в свете языковой картины мира**

10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (татарский язык)

10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Автореферат

**диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Казань – 2007

Работа выполнена на кафедре татарского языка факультета татарской филологии и истории Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский государственный университет им В.И. Ульянова-Ленина»
Министерства образования и науки Российской Федерации

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Хисамова Фагима Миргалиевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Семенова Галина Николаевна
кандидат филологических наук
Закиров Рафис Рафаэлевич

Ведущая организация: Институт языка, литературы и искусства им.
Г. Ибрагимова АН РТ

Защита диссертации состоится 3 мая 2007 года в ____ часов на заседании диссертационного Совета Д 212.081.12 по защите диссертаций по филологическим наукам при Казанском государственном университете им В.И. Ульянова-Ленина по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, корп. 2, ауд. 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского при Казанском государственном университете им В.И. Ульянова-Ленина.

Автореферат разослан « » 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного Совета
д-р филол. наук, профессор

Д.Ф. Загидуллина

Общая характеристика работы

Во многих ежедневно употребляемых словах того или иного языка заложены фундаментальные категории и понятия, формирующие шкалу ценностей, культуру народа, говорящего на этом языке. В них отражено своеобразное видение, понимание явления или предмета объективной действительности. Осознание того, что представитель другого народа видит и воспринимает тот же предмет иначе, нежели представители своего народа, приводит к большему уважению.

Географические, климатические, природные (растительный и животный мир) условия проживания, род занятий, традиции, обычаи формируют национальное видение мира, национальную картину мира. Многие ученые считают, «что эти стороны жизни любого народа ярче всего отражаются в афористике того или иного языка – пословицах, поговорках, фразеологизмах. ... Именно в идиоматике языка закрепляется опыт познания мира народом и в образной форме передается от поколения к поколению»¹. Анализ идиоматических сложных слов татарского и английского языков дает возможность воссоздать национальную картину мира этих народов, и выявить сходства и различия в них. Тематические группы слов, представленные идиоматическими сложными существительными, разнообразны и охватывают все стороны жизни любого народа. В диссертации рассматриваются идиоматические композиты тематических групп «растительный мир» и «животный мир», так как, во-первых, они представлены большим количеством идиоматических сложных существительных, во-вторых, природа (растительный и животный мир), среди которой народ живет и творит свою историю, определяет образ мысли (мировоззрение), образ жизни народа.

Обращение к сопоставительному анализу генетически неродственных, типологически разноструктурных и не контактирующих языков – татарского и английского, связано с тем, что, сравнивая языки, можно выделить универсальные и специфические языковые средства описания картины мира, что позволит воссоздать национальную картину мира каждого из этих народов; выявить типологические общности в восприятии, видении, понимании окружающего мира разными народами. В данной работе язык рассматривается как результат осмысления окружающего мира, как средство формирования языковой картины мира.

Каждый народ своеобразно видит и воспринимает окружающую действительность, что находит свое отражение на всех уровнях языка. Особо ярко это своеобразие отражается в словообразовании, в производной лексике. Одна и та же реальность мира может вызывать у разных народов разные ассоциации, и различные названия одного и того же

---

¹ Хайруллина Р.Х. Языковая картина мира в русской и башкирской фразеологии / Р.Х. Хайруллина // Язык и культура: Учеб. пособие. – Уфа: Изд-во БГПУ, 1995. – С. 105.

предмета в разных языках означает разное видение его. Многие значения слов, особенно производных (сложных) слов, служат средством хранения и передачи полученного человечеством знания об окружающем мире. Идиоматические сложные слова возникают на основе образного представления действительности, они отображают обиходно-эмпирический, культурный, исторический опыт народа.

Данная работа призвана в известной степени расширить и углубить наши представления о национально-культурных особенностях картин мира татарского и английского народов, на примере комплексного изучения идиоматического словообразования татарского и английского языков.

Актуальность данного диссертационного исследования определяется:

- насущной потребностью детального, комплексного исследования идиоматического словообразования, связанной с недостаточной изученностью этого аспекта в тюркологии;

- отсутствием монографических работ, посвященных исследованию идиоматического словообразования в тюркологии, а также идиоматического словообразования в свете языковой картины мира;

- необходимостью выявления и сопоставления национально-культурных особенностей татарской и английской языковых картин мира.

Объект исследования – идиоматическое словообразование в татарском и английском языках в свете языковой картины мира на примере идиоматических композитов (ИдК)², являющихся фитонимами и зоонимами.

Предмет исследования – национально-культурные особенности татарской и английской языковых картин мира, отраженные в идиоматическом словообразовании.

Цель исследования заключается в комплексном изучении идиоматического словообразования в свете татарской и английской языковых картин мира.

Цель диссертационной работы предполагает решение следующих основных исследовательских **задач**:

- определить место и роль словообразования в формировании языковой картины мира;

- выявить теоретические основы выделения идиоматических композитов, определить особенности идиоматического композита;

- разграничить идиоматический композит и фразеологизм;

- проанализировать соотношение идиоматического композита и термина;

---

² Идиоматический композит – субстантивное производное сложное слово, состоящее как минимум из двух полнозначных слов, значение которого идиоматично (переносное). Значение идиоматического композита не является простой суммой значений компонентов, так как значение, по крайней мере, одного компонента не присутствует в значении целого.

– провести классификацию по мотивирующим признакам идиоматических композитов татарского и английского языков;

– провести сравнительно-сопоставительный анализ идиоматических композитов татарского и английского языков в свете языковой картины мира;

– установить сходные и различительные черты структурных типов идиоматических композитов татарского и английского языков.

Цели и задачи обусловили выбор **методов** исследования. Ими стали наблюдение над языковым материалом, сопоставление с целью выявления типологически общих и контрастивных качеств в сопоставляемых языках, структурный и семантический анализ.

Материалом диссертационного исследования послужили данные сплошной выборки толковых, переводных, диалектологических, биологических, ботанических словарей, относящиеся к тематическим группам «растительный мир» и «животный мир» (т.е. фитонимы и зоонимы).

Методологическую основу работы составили теоретические положения, разработанные в трудах Н.М. Шанского, В.В. Виноградова, Г.Х. Ахунзянова, В.А. Плунгян, Ф.А. Ганиева, Д.Г. Тумашевой, М.Ф. Чернова, А.В. Кунина, Р.Х. Хайруллиной, Г.Д. Гачева, Е.С. Кубряковой, Г.Н. Семенов и др.

Научная новизна исследования состоит в том, что данная диссертация представляет собой опыт комплексного сопоставительного анализа идиоматического словообразования разносистемных языков. Новизна заключается также в том, что в работе предпринята попытка рассмотреть идиоматическое словообразование в свете языковой картины мира, а также выявить национально-культурные особенности татарской и английской языковых картин мира.

Теоретическая значимость обусловлена тем, что результаты настоящего исследования позволяют более ярко обозначить своеобразие идиоматического словообразования каждого языка, определить место, занимаемое идиоматическими композитами, относительно фразеологии и в исследовательском ракурсе, в связи с изучением идиоматических композитов выявить особенности национально-языкового сознания, специфику мировосприятия каждого народа. Также теоретически весьма актуальным является то, что результаты исследования могут найти реализацию в разработке конкретных вопросов словообразования, а также при разработке некоторых аспектов теории межкультурной коммуникации и культурологии.

Практическая ценность работы заключается в том, что материалы диссертации имеют прикладное значение при преподавании татарского и английского языков, они могут найти применение при составлении учебных пособий, в теоретических курсах по словообразованию, лексикологии, лингвокультурологии, сравнительной типологии татарского и английского языков, а также в переводческой практике.

На защиту выносятся **следующие положения:**

1. Идиоматические композиты являются результатом идиоматического словообразования и должны рассматриваться отдельно от фразеологизмов.

2. В идиоматических композитах татарского и английского языков существуют типологические общности в процессе номинации и структуре.

3. Анализ классификации идиоматических композитов татарского и английского языков дал возможность реконструировать принципы осмысления и членения мира. В восприятии окружающего мира татарским и английским народами есть большие типологические общности. Одинаковые компоненты татарской и английской языковых картин мира: **природа, дом, время, место, цвет, питание, лечение, религия.**

Апробация. Основные положения и результаты исследования были изложены в докладах на научно-практических конференциях КГУ им. В.И. Ульянова-Ленина (2006), КИ (филиал) РГТЭУ (2006), КГАВМ (2006), международной научно-практической конференции в ТГГПУ (2006).

По теме диссертации имеется 6 публикаций.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка анализируемого материала и приложения.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается выбор темы диссертации, ее актуальность, определяются цели и задачи работы, методы исследования. Формулируются научная новизна и практическая значимость работы. Приводятся сведения о структуре диссертации и апробации результатов исследования.

Первая глава «Теоретические основы выделения идиоматических композитов» состоит из трех параграфов, в которых рассматриваются место и роль словообразования в языковой картине мира, место, занимаемое идиоматическими композитами в языкознании, и их особенности.

В первом параграфе *«Словообразование и языковая картина мира»* отмечено, что в словообразовании легче проследить связь между сознанием и языком. Слова, являющиеся результатом словообразования, не просто дают название реалиям окружающего мира, а также включают в себя познавательную и ценностную информацию. Словообразование играет серьезную роль в классификационно-познавательной деятельности человека и способствует более подробному расчленению окружающей действительности, всестороннему ее познанию. Исследование этих процессов позволяет лучше понять связи предметов реальности с их названиями, роль ассоциаций в актах называния, выбор того или иного признака предмета в процессе его обозначения. Каждый народ закрепляет в языке свое видение, свои характеристики одного и того же явления

окружающей действительности. Новые слова могут возникать в результате образного восприятия действительности, в котором отражается культурный, исторический опыт того или иного народа. Выбор особенности реалии, легшей в основу номинации, не случаен. На него влияет способ видения определенного народа этой реалии.

Во втором параграфе «*Определение идиоматического композита. Степень идиоматичности немотивированных композитов*» излагаются различные взгляды ученых на природу и место в языкознании идиоматических композитов.

В зависимости от отношений значения слова к значению его компонентов выделяют аддитивные и идиоматические комплексы. В аддитивных комплексах значение целого равно простой сумме значений частей. В идиоматических комплексах, наоборот, значение целого непосредственно не выводимо из значений их компонентов.

Плунгян В.А. одним из отличительных свойств слова выделяет идиоматичность. «Свойство идиоматичности характеризует отношение значения словоформы (автор использует термин «словоформа» вместо термина «слово» – Л.Г.) к значению составляющих ее морфем... Принято считать, что словообразовательные показатели в очень многих случаях идиоматичны; словоформа имеет тенденцию образовывать идиоматический комплекс, тогда как от сочетания словоформ ожидается отсутствие идиоматичности, т.е. аддитивность»³. Говоря другими словами, аддитивность комплекса из двух и более слов является показателем словосочетания, а идиоматичность такого же комплекса – показатель сложного слова. Однако Плунгян В.А. сам отмечает, что при рассмотрении этой проблемы нельзя игнорировать идиоматические сочетания словоформ (фразеологизмы), и приходит к выводу, что принцип идиоматичности не может являться абсолютным критерием для выделения слова (в том числе и сложного).

В монографии Чернова М.Ф. «Фразеология современного чувашского языка» автор использует термин *субстантивные идиоматические сочетания с номинативной функцией*⁴. В монографической работе чувашского ученого Семеновой Г.Н.⁵, посвященной композитообразованию в чувашском языке, есть ссылка на исследователя современного чешского языка Кузьминскую Т.Б., которая на основе различного отношения общего значения композита (сложное слово) в совокупности значений компонентов выделяет *неидиоматичные и идиоматичные композиты*. Неидиоматичные композиты семантически эквивалентны соответствующим словосочетаниям, значения

---

³ Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие / В.А. Плунгян. – М: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 27.

⁴ Чернов М.Ф. Фразеология современного чувашского языка / М.Ф. Чернов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. – С. 101.

⁵ Семенова Г.Н. Композитообразование в чувашском языке и его национальная специфика / Г.Н. Семенова. – М.: Изд-во «Прометей» МПГУ, 2005. – С. 30-31.

идиоматичных композитов не может быть выведено из общего значения компонентов. Так как предметом нашего исследования являются композиты (сложные слова), в объем значения которых не входит по крайней мере значение одного компонента, мы для обозначения субстантивного идиоматического сложного слова будем употреблять словосочетание идиоматический композит (ИдК).

Такие ученые как Балли Ш.⁶, Виноградов В.В.⁷, Шанский Н.М.⁸, Ахунзянов Г.Х.⁹ рассматривают ИдК в качестве фразеологизмов.

Ахунзянов Г.Х., основываясь на семантический критерий, выделяет идиому с целостным значением (идиоматик берекмә «идиоматическое объединение») и двучленную идиому аналитического характера (идиоматик бердәмлек «идиоматическое единство»). Ученый дает им следующие определения: «идиома цельнозначная – воспроизводимое выражение, которое в отношении к своим компонентам имеет качественно иное значение, непосредственно не сложенное из значений этих компонентов и не присущее ни одному из них при их отдельном употреблении. Идиома аналитическая – воспроизводимое выражение с одним свободным компонентом и другим связанным, функционирующим в этом значении только в составе сочетания и только в данном сочетании»¹⁰. В двучленной идиоме аналитического характера один из компонентов сложного слова не утратил своего полнозначного смысла, второй же компонент выражает такое значение, которое возможно лишь в данном конкретном сочетании, он выступает в связанном значении. Такие идиомы обладают переносным значением, они не утратили внутренней формы, по первичным значениям компонентов, или же приблизительно можно понять значение всего сложного слова: *ак шигыр* «белый стих» (ак «белый»+шигырь «стих»), *шар ачу* «открыть на всю ширину» (шар «настежь, широко»+ачу «открывать»). По значению слова *шигырь* «стих» можно понять, что речь идет о какой-то разновидности стихотворения. Значение слова *ак* «белый» не дает представления о какой разновидности идет речь, это прилагательное не обозначает цвет в данном композите, только в рамках этого ИдК это слово имеет значение «нерифмованный», и это значение слова *ак* не повторяется ни в каком другом композите татарского языка. Значение цельнозначной идиомы намного шире, чем сумма значений, составляющих ее компонентов. Внутренняя форма таких

---

⁶ Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. – 344 с.

⁷ Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1986. – 640 с.

⁸ Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М.: Высш. шк., 1985. – 160 с.

⁹ Ахунжанов Г. Х. Татар теленен идиомалары / Г. Х. Ахунжанов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1972. – 119 б.

¹⁰ Ахунжанов Г. Х. Татар теленен идиомалары / Г. Х. Ахунжанов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1972. – Б. 115.

сложных слов утеряна, значение таких слов передается по традиции, его запоминают, как и значения простых слов. В такой идиоме слова прошли процесс десемантизации, они утратили свое индивидуальное значение и только вместе могут обозначать предмет (явление) действительности: *алма агачыннан ерак төшми* «яблоко от яблони не далеко падает» (алма «яблоко» агачыннан «от дерева» ерак «далеко» төшми «не падает»), *көтүче сумкасы* «пастушья сумка» (көтүче «пастух»+сумкасы «его сумка») и др. Субстантивные аналитические и цельнозначные идиомы типа *ак шигырь, көтүче сумкасы* соответствуют ИдК. Ахунзянов Г.Х., используя термин идиома вместо термина фразеологизм, рассматривает ИдК в качестве фразеологизмов, а не как сложное слово.

Следующие ученые отделяют идиоматические сочетания от фразеологических сочетаний, однако не выводят ИдК за пределы фразеологии.

Еще Рамазанов Ш.А.¹¹ выделял в свое время идиоматические и фразеологические выражения. Указывая на то, что между ними нет четкой границы и возможен переход фразеологизмов в идиомы, ученый выделял следующие различия: спаянность компонентов, подвижность составных частей, семантическая самостоятельность слов, входящих в выражения. Идиоматические выражения отличаются более крепкой спаянностью компонентов: нельзя менять слова местами, опускать или добавлять какое-либо слово; значение идиомы не является простой суммой значений составляющих слов: сочетание таких слов выражает какое-то дополнительное значение. Во фразеологических выражениях спаянность составляющих элементов слабее, слова в таких выражениях можно опускать или добавлять, менять местами или заменять другим словом (такие выражения обладают структурной подвижностью), все слова, входящие в состав фразеологических выражений, могут отдельно использоваться в языке, т.е. слова не потеряли семантическую самостоятельность. Также автор указывает, что в языке часто появляются фразеологические конструкции, обозначающие определенное понятие, но спаянность которых не так сильна, чтобы их можно было назвать сложными словами (особенно различные географические названия и в сфере терминологии). Рамазанов Ш.А. предлагает их называть фразеологическими словами и считать подвидом фразеологических выражений.

Чернов М.Ф. в своей монографии, посвященной фразеологии современного чувашского языка¹², рассматривает идиоматическое словообразование как «случаи отклонения от общих закономерностей соединения значимых единиц языка семантического характера». Автор

---

¹¹ Рамазанов Ш.А. Татар теле буенча очерклар / Ш.А. Рамазанов. – Казан: Таткнигоиздат, 1954. – 200 б.

¹² Чернов М.Ф. Фразеология современного чувашского языка / М.Ф. Чернов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. – 176 с.

отмечает, что сочетающиеся компоненты таких слов «утрачивают семантическую самостоятельность (лишаются свойственных им значений). Это порождает такое явление, которое в языкознании называется идиоматичностью. Сущность ее состоит в неразложимости значения единиц языка на значения единиц, вычлняемых в их формальном строении, и, соответственно, невыводимости значения целого из значений частей в данной их структурно-семантической связи»¹³. Чернов М.Ф. рассматривает идиоматические сочетания отдельно от фразеологических сочетаний, но как составную часть фразеологии. Он предлагает именовать *идиоматическими сочетаниями* или *идиомами-фразеологизмами* фразеологические сращения и фразеологические единства, так как они отличаются от фразеологических сочетаний семантической целостностью, основанной на идиоматичности.

Одной из главных проблем теории фразеологии – проблеме разграничения фразеологизмов и смежных с ними языковых структур – посвящена монография Чернова М.Ф. «Современный чувашский язык: Слово, фразеологизм и свободное сочетание слов»¹⁴. В ней автор рассматривает схожие с фразеологизмами явления, такие как слово, свободные сочетания слов и составные термины. В каждом случае, противопоставляя их друг другу, выделяет общие и отличительные признаки. Рассматривая взаимоотношения фразеологизмов и слов, Чернов М.Ф. приводит мнение некоторых ученых, определяющих основным различием между словом и фразеологической единицей семантику (Жуков В.П.¹⁵, Ураксин З.Г.¹⁶). Они считают первичной функцией слова номинацию, а фразеологизма – оценка действительности. С точки зрения Жукова В.П., между оценочным значением и значением предметности существует обратная зависимость, т.е. с усилением оценочного значения в фразеологизме соответственно ослабляется значение предметности, и наоборот. Необходимо заметить, что оценочное значение в основном присуще нетерминированным фразеологизмам (не терминам). Оценочное значение присуще не отдельным компонентам фразеологизма, а всему словосочетанию в целом, следовательно, является одним из показателей целостности фразеологизма.

Чернов М.Ф. не разделяет утверждение, что слова главным образом являются средством обозначения, а фразеологизмы – средством образного обозначения, и приходит к выводу, что по своей функциональной значимости фразеологизмы и слова в целом представляют сходные

---

¹³ Чернов М.Ф. Фразеология современного чувашского языка / М.Ф. Чернов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. – С. 12.

¹⁴ Чернов М.Ф. Современный чувашский язык: Слово, фразеологизм и свободное сочетание слов / М.Ф. Чернов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1988. – 199 с.

¹⁵ Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов / В.П. Жуков. – М.: «Просвещение», 1978. – 160 с.

¹⁶ Ураксин З.Г. Фразеология башкирского языка / З.Г. Ураксин. – М.: Наука, 1975. – 192 с.

единицы языка. В качестве дифференциальных признаков, отличающих фразеологизмы от свободных сочетаний слов, выделяет: немоделируемость, вызванная семантической спаянностью, или связанностью, компонентов, стабильность значения и лексико-грамматического состава и воспроизводимость в речи. Таким образом, по мнению Чернова М.Ф. идиоматические сочетания сближаются со словами по своей функции называть предметы, явления внеязыковой действительности, но отличаются от них своим оформлением, т.к. они раздельнооформленные единицы языка.

ИдК также выполняют номинативную функцию и обладают индивидуальным (идиоматическим) значением, частью которого является грамматическое (категориальное) значение. Необходимо отметить, что связь с обозначающим предметом действительности тех фразеологизмов, которые отличаются образностью и коннотативной направленностью, слабее связи слов, в которых отсутствует образность. Так как образное сложное слово не только обозначает предмет, явление, но также характеризует его. Это может быть выражение эмоционального отношения, оценки, сообщение об особенностях предмета.

Следующие ученые относят ИдК к сложным словам и рассматривают их как случаи словообразования: Тумашева Д.Г.¹⁷, Ганиев Ф.А.¹⁸, Степанова М.Д.¹⁹, Комина Е.В.²⁰, Садыкова А.Г.²¹, Жуков В.П.²², Тагирова Ф.И.²³

Тумашева Д.Г. часть составных слов (тезмә сүз), таких как *үги ана яфрагы* «мать-и-мачеха» (*үги ана* «мачеха» + *яфрагы* «ее лист»), *шайтан таягы* «чертополох» (*шайтан* «черт» + *таягы* «его палка»), *кот очу* «испугаться сильно» (*кот* «дух, душа» + *очу* «лететь»), *телгә алу* «упоминать» (*телгә* «на язык» + *алу* «брать»), *аяк чалу* «подставлять ножку» (*аяк* «нога» + *чалу* «подставить»), *баш вату* «напряжено думать» (*баш* «голова» + *вату* «ломать») относит к словообразованию. Ученый видит их связь с фразеологизмами, но не относит к их числу, рассматривает их как составные слова. В более позднем учебнике

---

¹⁷ Тумашева Д.Г. Хэзерге татар әдәби теле морфологиясе / Д.Г. Тумашева. – Казан: Казан ун-т нәшр., 1964. – 298 б.

¹⁸ Татар грамматикасы: 3 томда. – М.: «Инсан», Казан: «ФИКЕР», 1998. – 3 Т. – 512 б.

¹⁹ Степанова М.Д. Словообразование и семантические системы (на материале немецкого и английского языков) / М.Д. Степанова // Структурно-типологическое описание современных германских языков. – М.: Наука, 1966. – С. 114-145.

²⁰ Комина Е.В. Об одном способе словосложения / Е.В. Комина // Морфемная и словообразовательная структура слова. – Калинин, 1979. – С. 85-88.

²¹ Садыкова А.Г. Теоретические основы системы субстантивного словосложения в сравнительно-типологическом аспекте: (на материале германской и тюркской групп языков) / А.Г. Садыкова. – Казань: Центр инновац. технологий, 2000. – 98 с.

²² Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов / В.П. Жуков. – М.: «Просвещение», 1978. – 160 с.

²³ Тагирова Ф.И. Лексикографирование и орфографирование сложных слов татарского языка / Ф.И. Тагирова. – Казань: АН РТ ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, 2005. – 127 с.

морфологии Тумашева Д.Г.²⁴ в зависимости от того, как образуются значения сложных слов выделяет три группы: 1) сложные слова, основное значение которых становится ясным из значения второго компонента, эти сложные существительные обозначают вид предмета: *аккош* «лебедь» (ак «белая» + кош «птица»), *каракош* «орел могильник» (кара «черная» + кош «птица») – отдельные виды птиц; *кульязма* «рукопись» (кул «рука» + язма «запись»), *ельязма* «летопись» (ел «год» + язма «запись») – отдельные виды записей. 2) Значение сложного слова шире значения второго компонента: *актамыр* «пырей» (ак «белый» + тамыр «корень»), *озынборын* «комар» (озын «длинный» + борын «нос»), *гөлжिमеш* «шиповник» (гөл «цветок» + жимеш «плод, фрукт»), *ташбаш* «пескарь» (таш «камень» + баш «голова») – предмет называется именем какой-нибудь части. 3) Значение сложного существительного не выходит из значений компонентов, и она приводит следующие примеры таких случаев словообразования: *алабуга* «окунь» (ала «цвет» + буга «бык»), *бишбармак* – национальное блюдо (биш «пять» + бармак «палец»), *көнбагыш* «подсолнух» (көн «солнце» + багыш «смотреть»).

Ганиев Ф.А.²⁵, не упоминая об идиоматичности, отмечает, что значение сложного слова может быть метафорическим. В этом случае, значение сложного слова не образуется в результате суммирования значений компонентов, образуется новое переносное значение. И приводит следующие примеры: *наратбаш* «хвощ» (нарат «сосна» + баш «голова»), *юк-бар* «мелочь, вздор» (юк «нет» + бар «есть»), *карга борын* «паслен черный» (карга «ворона» + борын «нос»), *ишэк колагы* «живокость, ослинник двулетний» (ишэк «осел» + колагы «его ухо»), *аю колагы*, «коровяк обыкновенный, медвежье ушко» (аю «медведь» + колагы «его ухо»), *аю табаны* «плоскостопие» (аю «медведь» + табаны «его стопа»), *бүре аягы* «плаун» (бүре «волк» + аягы «его нога»). Конкретные значения этих сложных слов не связаны ни с первыми компонентами, ни со вторыми компонентами слов. Они обозначают одно значение. По мнению Ганиева Ф.А., подобные сложные слова образуются в результате лексикализации (перехода словосочетания в разряд сложных слов) словосочетаний. Значения сложных слов, образованных таким способом, бывают метафорическими. В случае исчезновения метафоричности, такие сложные слова снова превращаются в словосочетания.

В главе «Словообразование», автором которой является Ганиев Ф.А., «Татарской грамматики»²⁶ такие ИдК, обозначающие предметы растительного и животного мира, как *эт эчаге* «выюнок» (эт «собака» + эчаге «ее кишки»), *каз аягы* «лютик» (каз «гусь» + аягы «его лапа»), *бүре тырнагы* «змеевик» (бүре «волк» + тырнагы «его коготь»), *кәжә сакалы*

²⁴ Тумашева Д.Г. Хэзерге татар әдәби теле морфологиясе / Д.Г. Тумашева. – Казан: Казан ун-т нәшр., 1978. – 221 б.

²⁵ Татар грамматикасы: 3 томда. – М.: «Инсан», Казан: «ФИКЕР», 1998. – 3 Т. – Б. 224.

²⁶ Татар грамматикасы: 3 томда. – М.: «Инсан», Казан: «ФИКЕР», 1998. – 3 Т. – Б. 302-304.

«козлотородник» (кәжә «коза» + сакалы «ее борода»), *елан теле* «ужовник» (елан «змея» + теле «ее язык»), *тычкан койрыгы* «мышехвостник» (тычкан «мышь» + койрыгы «ее хвост») и др. приводятся в качестве примеров преобразования словосочетаний в сложные слова. В татарском языке есть и подобные словосочетания, обозначающие части тела животных. Другие ИдК (*эт балыгы* «вьюн» (эт «собака» + балыгы «ее рыба»), *зәйтүн гәле* «олеандр» (зәйтүн «маслина, олива» + гәле «ее цветок»)) образовались при помощи сложения двух слов, и то, что в языке нет и не было подобных словосочетаний, только подтверждает это утверждение.

Степанова М.Д.²⁷ в статье, посвященной словообразованию немецкого и английского языков, характеризует ИдК как «сложения с затемненной мотивированностью, связанной с их идиоматичностью», и выделяет сложные слова, переосмысленные полностью и с переосмысленным вторым компонентом. В качестве примеров она приводит следующие ИдК: *toothpick* «зубочистка» (*tooth* «зуб» + *pick* «ковырять, скovyривать»), *wirepuller* «лицо, держащее нити в своих руках, политический интриган» (*wire* «провода» + *puller* «тот, кто тащит»).

Комина Е.В. в статье, посвященной метафорическому словосложению в английском языке, выделяет три словообразовательные модели: 1) метафорическая, 2) неметафорическая и 3) метонимическая, и дает следующие пояснения каждой модели: «При неметафорическом пути образования нового слова художественно-поэтическое переосмысление не регистрируется (выделено нами – Л.Г.), напр.: *black + board* → *blackboard*, *rail + way* → *railway*. Метонимический путь предполагает наличие метонимического переосмысления, основанного на смежности в акте словопроизводства, напр.: *Turkey + red* → *Turkey-red*, *Mauser* → *Mauser*. Если в акте образования слова участвует метафорическое переосмысление, модель признается метафорической, напр.: *swan + neck* → *swan-neck*, *wolf + spider* → *wolf-spider*»²⁸.

Садыкова А.Г. рассматривает различные точки зрения на процесс лексикализации и идиоматичности сложных слов, и отмечает, что, например Гильдина А.К. выделяет «три степени лексикализации сложных слов: 1) максимальная, при которой сложное слово представляется лишь формально, а семантически оно является одночленной единицей, это идиоматические сложные слова; 2) средняя, при которой узуальное сложное слово обладает двучленной формальной структурой, но семантика его осложнена дополнительными оттенками, дополнительной смысловой нагрузкой: с одной стороны, сохраняется расчлененность, характерная для словосочетаний, обозначение признака посредством двух знаков, с другой

²⁷ Степанова М.Д. Словообразование и семантические системы (на материале немецкого и английского языков) / М.Д. Степанова // Структурно-типологическое описание современных германских языков. – М.: Наука, 1966. – С. 114-145.

²⁸ Комина Е.В. Об одном способе словосложения / Е.В. Комина // Морфемная и словообразовательная структура слова. – Калинин, 1979. – С. 88.

– налицо тяготение к семантической монолитности; 3) максимальная, которая типична для контекстуальных слов, и проявляется в тесной связи последних с синтаксическими единицами, в структурной и семантической двучленности, четкой мотивировке словосочетаний и семантической прозрачности»²⁹. В монографии Садыковой А.Г.³⁰ есть ссылка на Кубрякову Е.С. (1981), Боэр Л. (Bauer L.), Леви Дж.М. (Levi J.M.), которые сложные слова подразделяют на две группы: 1) производные с невыраженными значениями (лексикализованные сложные слова), 2) производные с невыводимыми значениями (идиоматические или фразеологизированные сложные слова).

В пользу того факта, что ИдК не являются фразеологизмами, говорит и то, что во фразеологические словари, изданные в последнее время, ИдК не включают, т.е. авторы этих словарей не относят ИдК к числу фразеологизмов (Исәнбэт Н.³¹, Сафиуллина Ф.С.³²). Например, Исәнбет Н. (Исәнбэт Н.) в вводной статье своего словаря выделил следующие критерии, которым должны соответствовать сочетания слов, при подборе слов для фразеологического словаря: выражение цельного значения; образное, художественное обозначение предметов и явлений окружающей действительности; семантическая и синтаксическая целостность; использование в речи в готовом виде³³. Автор словаря наличие образности и художественное обозначение реалий относит к особенностям, характерным для фразеологизмов, а как мы уже отметили, ИдК не обладают этими качествами. Сафиуллина Ф.С. определила такие особенности фразеологизмов: фразеологизм должен состоять как минимум из двух слов; они не распадаются, не изменяются, устойчивы; обозначают значение только целиком; в речи используются в готовом виде; одно из слов-компонентов фразеологизма всегда в переносном значении; во многих случаях фразеологизмы отличаются от обычных словосочетаний эмоционально-экспрессивной окраской³⁴.

Таким образом, мы придерживаемся мнения, что в качестве единиц языка ИдК должны рассматриваться как сложные слова, а не фразеологизмы.

---

²⁹ Садыкова А.Г. Теоретические основы системы субстантивного словосложения в сравнительно-типологическом аспекте: (на материале германской и тюркской групп языков) / А.Г.Садыкова. – Казань: Центр инновац. технологий, 2000. – С. 39-40.

³⁰ Садыкова А.Г. Теоретические основы системы субстантивного словосложения в сравнительно-типологическом аспекте: (на материале германской и тюркской групп языков) / А.Г.Садыкова. – Казань: Центр инновац. технологий, 2000. – 98 с.

³¹ Исәнбэт Н. Татар теленең фразеологик сүзлеге / Н. Исәнбэт. – Яр Чаллы: «Идел-йорт» нәшр., 2001. – 236 б.

³² Сафиуллина Ф.С. Татарча-русча фразеологик сүзлек / Ф.С. Сафиуллина. – Казан: Мәгариф, 2001. – 335 б.

³³ Исәнбэт Н. Татар теленең фразеологик сүзлеге / Н. Исәнбэт. – Яр Чаллы: «Идел-йорт» нәшр., 2001. – Б. 3.

³⁴ Сафиуллина Ф.С. Татарча-русча фразеологик сүзлек / Ф.С. Сафиуллина. – Казан: Мәгариф, 2001. – Б. 5.

В результате были выделены следующие отличительные особенности ИдК: значение ИдК непосредственно не сложено из значений его компонентов и не присуще, по крайней мере, одному из них при их отдельном употреблении; предметность, или субстанциональность; выполняют номинативную (назывную) функцию (обозначают предметы, явления внеязыковой действительности); значение ИдК либо метафорическое, либо метонимическое; при переводе ИдК на другие языки их никогда не переводят слово в слово, всегда подбирается эквивалент; состоят из двух, реже трех самостоятельных слов; воспроизводимость в речи; компоненты ИдК отличаются крепкой спаянностью; компоненты ИдК утрачивают семантическую самостоятельность; отсутствие грамматических отношений зависимости между компонентами ИдК; функционирование только в целостном виде в роли того или иного члена предложения; семантическая и грамматическая целостность; цельнооформленность; семантическая нейтральность значения, ИдК не осложняются добавочными смысловыми оттенками; часто являются единственными обозначениями предметов окружающего мира (в данном случае представителей растительного и животного мира).

В третьем параграфе «*Разграничение идиоматического композита и термина*» рассматривается отношение идиоматических композитов к терминам.

В ИдК номинативная функция выступает на первое место, они нейтральны по своему значению, в их значении нет экспрессивно-эмоциональной окраски, образность стерлась, и при условии отсутствия многозначности ИдК, они должны рассматриваться в качестве терминов.

Таким образом, в этом параграфе делается вывод о том, что действительно можно выделить в отдельную группу ИдК, которые помимо своих основных качеств (устойчивость, идиоматичность, немотивированность, нейтральные по своему значению, безобразные, номинативные и др.) совмещают в себе и качества терминов (обладание единственным значением в определенной сфере, нейтральность значения). Такие ИдК-термины должны рассматриваться и в рамках словообразования, и в рамках терминологии.

Во второй главе «Классификация по мотивирующим признакам идиоматических композитов татарского и английского языков» проводится классификация по мотивирующим признакам ИдК татарского и английского языков. В основу классификации по мотивирующим признакам, представленной в исследовании, был положен способ группирования татарских фитонимов Саберовой Г.Г.³⁵ В диссертации предлагается более подробная классификация по мотивирующим признакам

---

³⁵ Саберова Г.Г. О принципах номинации фитонимов в татарском языке / Г.Г. Саберова // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. В 3 т. Т. 1. – Казань, 1992. – С. 214-216.; Саберова Г.Г. Названия растений в татарском литературном языке / Г.Г. Саберова. – Казань: Ин-т яз., лит. и истории, 1996. – 130 с.

фитонимов и зоонимов татарского и английского языков, являющихся ИдК.

Классификация ИдК выглядит следующим образом:

I. Композиты, образованные на основе сравнения.

I.1. Композиты, образованные на основе соотнесения с представителем флоры или фауны.

I.1.1. Сходство с частями тела животных: *куян колагы* «дряква» (куян «заяц» + колагы «его ухо»), *ат койрыгы* «хвощ» (ат «лошадь» + койрыгы «ее хвост»), *horsetail* «хвощ» (horse «лошадь» + tail «хвост»), *bird's-eye* «первоцвет, примула» (bird's «птица» + eye «ее глаз») и др.

I.1.2. Принадлежность растения животному: *аю суганы* «черемша» (аю «медведь» + суганы «его лук»), *hog's fennel* «горичник болотный» (hog's «боров»+fennel «его фенхель (сладкий укроп)») и др.

I.1.3. Принадлежность растения другому растению: *суган гөле* «нарцисс» (суган «лук»+гөле «его цветок»), *willowherb* «кипрей узколистый; иван-чай» (willow «ива»+herb «трава, растение») и др.

I.1.4. Сходство с другим растением: *пәри кычытканы* «яснотка» (пәри «черт» + кычытканы «его крапива»), *deadnettle* «яснотка» (dead «мертвая»+nettle «крапива») и др.

I.1.5. Сходство с другим животным: *сукыр чебен* «мошка, мошкара» (сукыр «слепая» + чебен «муха»), *blackfly* «мошка, мошкара» (black «черная»+fly «муха») и др.

I.1.6. Принадлежность предмета животному: *бака тәңкәсе* «ряска» (бака «лягушка»+тәңкәсе «ее монета»), *бүре тарагы* (диал.) «папоротник» (бүре «волк» + тарагы «его расческа») и др.

I.1.7. Название целого по части: *сиртмәкойрык* «трясогузка, стрепет» (сиртмә «журавль, коромысло» + койрык «хвост»), *wagtail* «трясогузка, стрепет» (wag «качать, махать»+tail «хвост») и др.

I.1.8. Название через соотнесение с родовым понятием: *арыш чәчәге* «василек» (арыш «рожь» + чәчәге «ее цветок»), *cornflower* «василек» (corn «пшеница» + flower «цветок») и др.

I.2. Композиты, образованные на основе сравнения с частями тела человека: *эби чәче* «ковыль» (эби «бабушка» + чәче «ее волосы»), *palm grass* «щетинник» (palm «ладонь»+grass «трава») и др.

I.3. Композиты, образованные на основе сравнения с предметами домашнего обихода: *алтын камчы* «золотарник» (алтын «золотая»+камчы «плетка, розга»), *goldenrod* «золотарник» (golden «золотая»+rod «розга») и др.

II. Композиты, образованные на основе особенностей естественно-биологических признаков (морфологические признаки).

II.1. Композиты, образованные на основе особенностей во внешнем виде (цвет/окраска, строение, особенности частей).

II.1.1. Композиты, образованные на основе особенностей во внешних проявлениях: *squirting-cucumber* «бешеный огурец» (squirting

«разбрызгивающий» + cucumber «огурец»), *lightning-bug* «светляк, светлячок» (lightning «светящий» + bug «жук») и др.

II.1.2. Цвет/ Окрас: *акбалык* «белорыбица» (ак «белая» + балык «рыба»), *whitefish* «сиг» (white «белая» + fish «рыба») и др.

II.1.3. Композиты, образованные на основе особенностей в строении и форме: *ук баш* «севрюга» (ук «стрела» + баш «голова»), *stellate sturgeon* «севрюга» (stellate «звездообразный»+sturgeon «осетр») и др.

II.2. Композиты, образованные на основе особенностей во вкусе, запахе, звуке: *төче тамыр* «лакрица» (төче «сладкий»+тамыр «корень»), *sweet-root* «лакрица» (sweet «сладкий» + root «корень») и др.

II.3. Композиты, образованные на основе особенностей, связанных с временным показателем: *кар жыләге* «снежнотодник» (кар «снег»+жыләге «его ягода»), *snowberry* «снежнотодник» (snow «снег» + berry «ягода») и др.

II.4. Композиты, образованные на основе особенностей в месте произрастания/обитания: *жир чикләвеге* «арахис» (жир «земля»+чикләвеге «его орех»), *groundnut* «арахис» (ground «земля» + nut «орех») и др.

III. Композиты, образованные на основе функций.

III.1. Композиты, в основу наименования которых положен способ применения.

III.1.1. Композиты, образованные на основе знаний о применении в качестве корма: *кәжә чәчәге* «икотник» (кәжә «коза»+чәчәге «ее цветок»), *cow-wheat* «иван-да-марья» (cow «корова»+wheat «пшеница») и др.

III.1.2 Композиты, образованные на основе знаний о применении в лечебных целях: *күз үләне* «очанка лекарственная» (күз «глаз» + үләне «его трава»), *eyebright* «очанка лекарственная» (eye «глаз» + bright «яркий, светлый») и др.

III.1.3. Композиты, образованные на основе знаний о результатах воздействия на человека или животного: *чебен кунмас гөл* «шалфей» (чебен «муха» + кунмас «не сядет» + гөл «цветок»), *henbane* «белена» (hen «курица» + bane «отрава») и др.

III.1.4. Композиты, образованные на основе знаний о способности выделять какой-либо сок: *сөтле үлән* «молочай» (сөтле «молочный» + үлән «трава»), *milkweed* «молочай» (milk «молоко» + weed «сорная трава») и др.

III.2. Композиты, образованные на основе религиозно-мифологических поверий, суеверных представлений: *давыл чәчәге* «лютик едкий» (давыл «буря»+чәчәге «ее цветок»), *Jacob's ladder* «льнянка» (Jacob's «Иаков» + ladder «его лестница») и др.

В данной классификации были выявлены татарские и английские ИдК, мотивирующие признаки номинации которых похожи или одинаковы. В других ИдК эти признаки отличаются, что является результатом особенностей среды обитания, менталитета каждого из народов.

Третья глава «Сравнительно-сопоставительный анализ идиоматических композитов татарского и английского языков» состоит из двух параграфов.

В первом параграфе проводится *сравнительно-сопоставительный анализ классификаций по мотивирующим признакам идиоматических композитов татарского и английского языков в свете языковой картины мира*. В лексике любого языка отражается видение народом окружающего мира. Вышеприведенная классификация еще раз это подтверждает. Она помогает увидеть те аспекты картины мира, которые являются самыми важными для человека. Классифицирование ИдК, относящихся к сфере природы, на основе сравнения дало возможность выделить три подгруппы композитов: 1) композиты, образованные на основе сравнения с представителем флоры или фауны, 2) композиты, образованные на основе сравнения с частями тела человека, 3) композиты, образованные на основе сравнения с предметами домашнего обихода, т.е. три основных аспекта: **дом** (в основу названий положен признак сходства с предметами домашнего обихода) – **человек** (в основу названий положен признак сходства с частями тела человека) – **природа** (в основу названий положен признак сходства с представителями флоры и фауны). Природа – дом – человек. Вокруг себя человек видит живую природу и “окультуренную природу”, т.е. результаты человеческой деятельности – дом, хозяйство. А в центре этих двух миров человек видит самого себя. Группы, сформировавшиеся в результате деления на основании сравнения, вырисовывают границы мира человека: природа с одной стороны, дом – с другой.

Группы сложных слов, образовавшиеся при выделении на основе особенностей естественно-биологических признаков, выявили три понятия, при помощи которых человек оценивает каждый предмет, попадающий в сферу его деятельности: **внешний вид, место и время**. Эти понятия формируют сетку координат, через которую человек «улавливает» мир, оценивает важность, актуальность предмета для своей жизнедеятельности.

Группы сложных слов, сформировавшиеся при выделении на основе функций, выявляют важные моменты жизни человека: **питание, лечение, религия**. Если питание и лечение необходимо для физического здоровья тела человека, религия – для душевного здоровья. В семантике композитов первой и второй групп прослеживается наблюдательная позиция, которую человек занимает в процессе «общения» с природой: он сравнивает один предмет животного мира с другим, выявляет взаимосвязи, констатирует особенности, но не вступает в прямой контакт. А в семантике сложных существительных, относящихся к третьей группе, отражена практическая сторона взаимодействия человека и природы (растений и животных): он, на основе результатов наблюдений, находит применение предметам животного мира (в качестве корма, лекарственных средств).

Как известно, в языке закрепляется только то, что важно для человека. Поэтому можно сделать вывод о том, что все выявленные, в результате классификации, категории (**природа, дом, время, место, питание, лечение, религия**) являются базовыми составляющими ЯКМ обоих

народов. «Наиболее важные в жизни народа реалии мира являются как бы мерилем ценности других вещей, ...»³⁶. Все предметы, с которыми сталкивается человек в своей практической деятельности, оцениваются через важные в жизни народа понятия. Это важные составляющие полноценной жизни человека, которые нашли свое отражение в названиях представителей растительного и животного мира в обоих языках. Это те категории, при помощи которых оценивается важность, актуальность, существенность всех реалий окружающего мира, попадающих в сферу жизнедеятельности любого человека. В обоих языках в названиях растений и животных нашли отражение фундаментальные понятия жизни людей. Иерархию актуальных в жизни народа реалий формируют географические и климатические условия проживания. Окружение человека это – природа, и «окультуренная» природа (его дом). Важно осознавать в каком локальном и временном пространстве он и предметы вокруг него находятся. По внешним признакам он пытается сделать выводы о внутреннем содержании, о потенциальном поведении. Анализ ИдК дает возможность сделать вывод о том, что человеку важно найти взаимосвязи между окружающими предметами. Он связывает растение с другим растением, или же растение с животными. В его мире все понятия находятся не в бессмысленной разрозненности, разъединенности, а во взаимосвязи, в сложной системе, которая является залогом надежного упорядоченного мира.

В общем, было отмечено много ИдК, обозначающих одних и тех же представителей флоры или фауны, и состоящих из одинаковых (по значению) компонентов и в татарском, и в английском языках: *алтын камчы* (алтын «золотая» + камчы «розга») – золотарник – *goldenrod* (golden «золотая»+rod «розга»), *аю жыләге* (аю «медведь» + жыләге «его ягода») – толокнянка – *bearberry* (bear «медведь»+berry «ягода»), *буре аягы* (буре «волк» + аягы «его нога») – плаун – *wolf's-claw* (wolf's «волк»+claw «его лапа с когтями»), *давыл кошы* (давыл «буря» + кошы «ее птица») – буревестник – *storm petrel* (storm petrel «буревестник»), *елан абагасы* (елан «змея» + абагасы «ее папоротник») – уховник – *adder's tongue fern* (adder's «уж»+tongue «его язык»+fern «папоротник»), *икмәк агачы* (икмәк «хлеб» + агачы «его дерево») – хлебное дерево – *breadfruit tree* (bread «хлеб»+fruit «фрукт»+tree «дерево»), *кар жыләге* (кар «снег» + жыләге «его ягода») – снежноягодник – *snowberry* (snow «снег»+berry «ягода»), *кыр дуңгызы* (диал.) (кыр «поле» + дуңгызы «его свинья») – кабан, вепрь – *wild boar* (wild «дикий»+boar «хряк»), *кылыч гөл* (кылыч «меч» + гөл «цветок») – гладиолус, шпажник – *sword-lily* (sword «меч»+lily «лилия»), *кыр сабыны*, *кырсабын* (кыр «поле» + сабыны «его мыло») – огневик, мыльнянка – *soap-wort* (soap «мыло»+wort «трава»), *soap-root* (soap «мыло»+root «корень»), *кәккүк чәчәге* (кәккүк «кукушка» + чәчәге «ее цветок») – кукушкин цвет –

³⁶ Хайруллина Р.Х. Языковая картина мира в русской и башкирской фразеологии / Р.Х. Хайруллина // Язык и культура: Учеб. пособие. – Уфа: Изд-во БГПУ, 1995. – С. 103.

cuckooflower (суккоо «кукушка»+flower «цветок»), *кәжәсакал* (кәжә «коза» + сакал «борода») – козлотородник – *goat's beard* (goat's «козел»+beard «его борода»), *көтүче сумкасы* (көтүче «пастух» + сумкасы «его сумка») – пастушья сумка – *shepherd's purse* (shepherd's «пастух»+purse «его сумка»), *мамыкбаш* (мамык «хлопок» + баш «голова») – пушица – *cotton grass* (cotton «хлопок»+grass «трава»), *silkweed* (silk «шелк»+weed «сорная трава»), *мөгезъяфрак* (мөгез «рог» + яфрак «лист») – роголистник – *hornwort* (horn «рог»+wort «трава»), *мүк жыләге* (мүк «мох» + жыләге «его ягода») – клюква – *mossberry* (moss «мох»+berry «ягода»), *су йолдызы* (су «вода» + йолдызы «ее звезда») – болотник, звездочка водяная, красноволоска – *water startwort* (water «вода»+start «звезда»+wort «трава»), *сиртмәкойрык* (сиртмә «коромысло» + койрык «хвост») – трясогузка, стрепет – *wagtail* (wag «качать, махать»+tail «хвост»), *татлы тамыр* (татлы «сладкий» + тамыр «корень») – лакрица, лакричник – *sweet-root* (sweet «сладкий»+root «корень»), *төлке койрык* (төлке «хвост» + койрык «хвост») – лисохвост – *foxtail* (fox «лиса»+tail «хвост»), *чебен гәмбәсе* (чебен «муха» + гәмбәсе «ее гриб») – мухомор – *fly agaric* (fly «муха»+agaric «пластинчатый гриб»), *чыклы үлән* (чыклы «росистый» + үлән «трава») – росянка – *sundew* (sun «солнце»+dew «роса»), *яфрак бете* (яфрак «лист» + бете «его вошь») – тля – *plant-louse* (plant «растение»+louse «вошь»), *жир чикләвеге* (жир «земля» + чикләвеге «ее орех») – арахис – *earthnut* (earth «земля»+nut «орех»), *groundnut* (ground «земля»+nut «орех»), *арыш чәчәге* (арыш «рожь» + чәчәге «ее цветок») – василек – *cornflower* (corn «пшеница»+flower «цветок») и др. В процессах номинации, выборе мотивационных признаков, семантике ИдК в татарском и английском языках есть большие сходства. Наличие значительного количества таких примеров в этих языках свидетельствует об одинаковых способах категоризации мира представителями обоих сравниваемых народов.

Не менее интересные выводы можно сделать, проанализировав представленность того или иного понятия в языке. По количеству единиц, представляющих то или иное понятие можно судить о степени его актуальности, важности в жизни народа. Богатый синонимический ряд слов, обозначающих один и тот же предмет, указывает на важное место, которое занимает этот предмет в иерархии ценностей народа, говорящего на этом языке. О важности места занимаемой той или иной категорией в языковой картине мира татарского и английского народов можно судить по объему сложных слов, которыми она представлена.

Среди выделенных важных понятий татарской национальной картины мира, вкус, запах, и издаваемый звук представлены наименьшим количеством слов. Среди ИдК, обозначающих понятия о видах предметов животного мира, только несколько композитов образованы на основе вкусового признака, свойства издавать запах или звук: *баллы гәмбә* «яснотка» (баллы «сладкий» + гәмбә «гриб»), *сасы кузаклы сарыбаш* «желтушник прямой» (сасы «зловонная» + кузаклы «стручковая» +

сарыбаш «желтоголовка»), *лыбырдык үлән* (диал.) «вьюнок» (лыбырдык «бормотун» + үлән «трава») и др. По этим качествам предметов животного мира человек не делает никаких жизненно важных выводов для себя. Среди собранного материала, английские ИдК, характеризующие предметы животного мира со стороны запаха или звука, не нашлись. ИдК, обозначающих вкусовые качества, также очень мало. Следовательно, можно сделать вывод о том, что вкусовые качества предметов, свойства издавать запах или звук не являются важными составляющими татарской и английской картин мира. В обоих сравниваемых языках композитов, в основу номинации которых положен признак издаваемого звука, очень мало. Отсюда можно сделать вывод о том, что такие знания о предметах животного мира не имеют практической важности для представителей обоих народов.

Также представлены небольшим количеством слов и следующие группы композитов обоих языков: композиты, образованные на основе сравнения с частями тела человека; композиты, образованные на основе функций. Много ИдК образовано на основе сравнения и на основе особенностей во внешнем виде. Самая многочисленная группа – композиты, образованные на основе сравнения с представителем флоры или фауны. Абсолютное большинство ИдК относится к этой группе. Понятие природы и все что связано с этим понятием занимает важное место в татарской и английской ЯКМ. Издревле человек был связан с природой того места, где он проживал. Свообразные взаимоотношения с природой и находят отражение в устойчивых сочетаниях.

Таким образом, сопоставление ИдК генетически неродственных, типологически разных языков – татарского и английского – выявило одинаковые универсальные понятия в обеих ЯКМ: **природа, дом, время, место, цвет, питание, лечение, религия**. Эти понятия являются базовыми для картины мира этих народов, поэтому они представлены в классификациях ИдК обоих сравниваемых языков.

На ряду со сходством есть и отличия в языковом видении мира народами, говорящими на сравниваемых языках. Татарский и английский народы проживают на разных континентах, в отличающихся друг от друга географических и климатических условиях, у каждого народа свой культурно-исторический путь развития. Эти и другие факторы являются причиной того, что универсальные понятия у каждого народа выражаются своеобразными национальными средствами.

В английском языке можно выделить небольшую подгруппу слов, образованных по структурной модели – глагол + объектное местоимение + отрицательная частица / наречие, и значения ИдК, образованных по этой модели, как бы побуждают к действию: *kiss-me-quick* «анютины глазки» (*kiss* «поцелуй»+*me* «меня»+*quick* «быстро»), *forget-me-not* «незабудка» (*forget* «забудь»+*me* «меня»+*not* «не»), *touch-me-not* «недотрога» (*touch* «трогать»+*me* «меня»+*not* «не»). И подгруппу композитов, которые образованы в результате сравнения с абстрактными понятиями: *love-in-*

idleness «анютины глазки» (*love* «любовь»+*in* «в»+*idleness* «безделье, лень»), *loosestrife* «дербенник» (*loose* «свободная»+*strife* «борьба»), *morning glory* «вьюнок» (*morning* «утро»+*glory* «восторг, красота»), *baby's-breath* «перекати-поле» (*baby's* «ребенок»+*breath* «его дыхание»). Таким образом, в отличие от классификации татарских композитов, относящихся к сфере природы, в английской классификации мы выделили еще несколько подгрупп: композиты, образованные на основе особенностей во внешних проявлениях (в них указывается на особенность в поведении или совершаемого предметом действия); фитонимы, названия которых как бы побуждают к действию; фитонимы, которые образованы в результате сравнения с абстрактными понятиями. Последние две подгруппы представлены немногочисленными композитами.

Наличие ИдК, названия которых как бы побуждают к действию, в английской языковой картине мира показывает, что англичане видят «активное начало» в предметах растительного мира, которые своей внешностью побуждают к какому-либо действию или наоборот пресекают действие. Они переключают отношения между людьми на растительный мир, как будто растения «обращаются» к людям, «указывают».

Существование ИдК, образованных через соотнесение с абстрактными понятиями, свидетельствует о процессе обобщения между особенностями растения и понятия. При номинации, в данном случае, были проведены параллели с понятиями, которые не относятся к миру природы непосредственно.

В обоих языках идиоматический способ словообразования чаще использовался для формирования фитонимов, нежели зоонимов. Следует подчеркнуть и то, что номинация предметов животного мира через соотнесение с другими предметами животного мира в рамках идиоматического словообразования более активна в татарском языке, нежели в английском: *ташбака* «черепашка» (*таш* «камень»+*бака* «лягушка»), *сукыр тычкан* «крот» (*сукыр* «слепая»+*тычкан* «мышь»), *урман тавыгы* «глухарь» (*урман* «лес»+*тавыгы* «ее курица») и др. Большинство ИдК, относящихся к сфере природы, образованы при помощи соотнесения с предметами животного мира. В английском языке также значительное число фитонимов и зоонимов сформированы в результате соотнесения с предметами животного мира. Однако их число не так велико как в татарском языке, т.е. такой способ номинации не так активен в английском языке.

Во многих идиоматических сложных существительных татарского языка, относящихся к сфере природы, одним из компонентов является слово, обозначающее какого-либо домашнего животного или птицу: *маче* «кошка», *песи* «кошка», *кәжә* «коза», *тәкә* «козел, баран», *эт* «собака», *каз* «гусь», *үгез* «бык», *ат* «лошадь», *тавык* «курица», *ишәк* «ишак», *бәрән* «баран», *сыер* «корова», *тай* «жеребенок». Не менее часто в сложных словах встречаются названия диких животных: *буре* «волк», *аю* «медведь», *арыслан* «лев», *төлке* «лиса», *куян* «заяц», *болан* «олень», *елан* «змея»,

бака «лягушка», *тычкан* «мышь», *күгәрчен* «голубь», *карга* «ворона», *тукран* «дятел», *чыпчык* «воробей», *карлыгач* «ласточка», *шөлди* «кулик», *карчыга* «ястреб», *лачын* «сокол», *ябалак* «сокол», *саескан* «сорока», *күке* «кукушка», *кош* «птица», *балык* «рыба», *чаян* «скорпион», *кандала* «клоп», *бет* «вошь», *корт* «червь», *чебен* «муха», *күбәләк* «бабочка». *Мәче* «кошка», *песи* «кошка», *кәжә* «коза», *эт* «собака», *каз* «гусь», *ат* «лошадь», *бүре* «волк», *аю* «медведь», *елан* «змея», *бака* «лягушка» встречаются в идиоматических композитах чаще всех остальных слов. Использование этих слов в номинации еще раз подтверждает, что татарский народ всегда был тесно связан с природой. Некоторые животные в результате приручения стали домашними, человек приспособил их для удовлетворения своих жизненных потребностей: собака сторожит дом, помогает на охоте, в скотоводстве, кошка ловит мышей, коровы, козы дают молоко и мясо, куры – яйца, лошадь – исполняет функции транспорта и т.д. Наличие некоторых из названий животных в сложных словах дает возможность людям, незнакомым с бытом татарского народа, предполагать, что основным видом хозяйства поволжских татар с древних времен было животноводство (главными видами скотоводческого хозяйства были коневодство и овцеводство), наличие других, что этот народ охотился на медведей, волков, лис, зайцев, птиц и др., ловил рыбу. Основными видами хозяйствования татар были: животноводство, птицеводство, охота, рыболовство, пчеловодство. Отражение этой стороны жизни татарского народа можно найти во многих идиоматических сложных существительных. Так как отличное владение этими видами деятельности, опыт в этих сферах, длительные наблюдения и дали возможность формировать подобные композиты.

В составе идиоматических сложных существительных английского языка также встречаются названия домашних и диких животных, птиц, а также насекомых: *dog* «собака», *hound* «собака», *goat* «козел», *mare* «кобыла», *horse* «лошадь», *stag* «вол», *ox* «бык», *colt* «жеребенок», *foal* «жеребенок, осленок», *cow* «корова», *sow* «свинья», *pig* «свинья», *boar* «хряк», *bull* «бык», *hog* «боров», *chick* «цыплёнок», *cock* «петух», *goose* «гусь», *duck* «утка», *hen* «курица»; *snake* «змея», *adder* «уж», *viper* «гадюка», *wolf* «волк», *bear* «медведь», *monkey* «обезьяна», *hare* «заяц», *mouse* «мышь», *fox* «лиса», *dragon* «дракон», *tortoise* «черепаха», *elephant* «слон», *frog* «лягушка», *toad* «жаба», *salmon* «лосось», *fish* «рыба», *sturgeon* «осетр», *cuckoo* «кукушка», *swallow* «ласточка», *hawk* «ястреб», *sparrow* «воробей», *bat* «летучая мышь», *bird* «птица», *crane* «журавль», *peacock* «павлин», *falcon* «сокол», *finch* «зяблик», *dove* «голубь», *robin* «малиновка», *heron* «цапля», *owl* «сова», *lark* «жаворонок», *grosbeak* «дубонос», *worm* «червяк», *louse* «вошь», *fly* «муха», *bug* «жук, насекомое», *spider* «паук», *beetle* «жук», *tick* «клещ», *bee* «пчела». Активное использование таких слов в словообразовании также свидетельствует о том, что англичане издавна занимались растениеводством, животноводством, земледелием. Они выращивают ячмень, овес,

картофель, разводят домашнюю птицу, свиней. Пастбища, сенокосные угодья и зерновые культуры занимают в Великобритании большую территорию.

В татарском языке очень активна модель образования идиоматических сложных существительных на основании метонимии (называние целого по его части). Предметов животного мира, названия которых в татарском языке образованы по названию части, выделяющейся какой-либо особенностью, очень много. Среди английских композитов было выявлено только несколько. В татарской языковой картине мира части целого предается большое значение: она может служить названием целому. Часть предмета может быть важнее целого, от нее ожидают большего, нежели от целого; несмотря на то, что это часть, она имеет значение, силу, влияние и может совершить важное, значащее действие. Часть играет важную роль в составлении целого; без части не будет целого.

Еще одно различие возникает при сравнении группы названий, образованных через соотнесение с родовым понятием. В английском языке эта группа представлена немногими композитами, а в татарском языке значительно больше, чем в английском языке, композитов создано на основании родовидовых отношений. В татарском мировоззрении играет большую роль иерархия предметов. Чтобы лучше понять предмет, необходимо знать к какому роду, к какой категории он относится. Видовое понятие рассматривается в тесном отношении с родовым. «Новое» понятие связано со «старым», оно является базой, основой для появления «нового». Большое число сложных существительных, образованных через соотнесение с родовым понятием, подчеркивает важность в картине мира татарского народа опоры на все то, что является основой для нового: на прошлое, историю, свой народ, мудрость пожилых людей.

Таким образом, в результате сравнения классификаций по мотивирующим признакам ИдК татарского и английского языков, были выявлены большие типологические общности в татарской и английской ЯКМ. Несмотря на то, что это генетически неродственные, типологически разноструктурные и не контактирующие языки, в семантике ИдК, мотивационных процессах отражены большие сходства в мировоззрении, мировосприятии, концептуализации окружающего мира этими народами. И было установлено намного больше сходств, чем различий, что дает основания предполагать, что такие особенности мировоззрения характерны для всех народов, говорящих на разных языках.

Во втором параграфе *«Сравнительно-сопоставительный структурный анализ идиоматических композитов татарского и английского языков»* ИдК обоих языков анализируются со стороны их структуры.

И в татарском, и в английском языках самыми продуктивными структурными моделями двухкомпонентных сложных существительных являются существительное + существительное (*песи койрык* «рогоз, камыш озерный» (*песи* «кошка»+*койрык* «хвост»), *арыслан койрыгы*

«пустырник» (арыслан «лев»+койрыгы «его хвост»), *motherwort* «пустырник» (*mother* «мать»+*wort* «трава»)) и прилагательное + существительное (*ялган кычыткан* «яснотка» (*ялган* «ложная»+*кычыткан* «крапива»), *sweet clover* «донник желтый, клоповник» (*sweet* «сладкий» + *clover* «клевер»)). В английском языке есть предложно-именные образования (имя существительное + предлог + имя существительное), в татарском языке нет ИдК, образованных по этой модели. Модели существительное в форме родительного падежа + имя существительное английского языка (*shepherd's club* «коровяк обыкновенный, медвежье ушко» (*shepherd's* «пастух»+*club* «его дубинка»)) соответствует структурный тип II изафета (существительное + существительное с аффиксом притяжательности) татарского языка (*күгәрчен күзе* «незабудка» (*күгәрчен* «голубь»+*күзе* «его глаз»)). Между компонентами ИдК, образованных по моделям существительное + существительное с аффиксом притяжательности (II тип изафета) в татарском языке, существительное в форме родительного падежа + имя существительное (*dog's-grass* «пырей» (*dog's* «собака»+*grass* «ее трава»)) и существительное + предлог *of* + (артиклъ) + существительное (*lily of the valley* «ландыш» (*lily* «лилия»+*of+the+valley* «долины»)) в английском языке, устанавливаются одинаковые смысловые отношения – принадлежности. В обоих языках есть ИдК, между компонентами которых родовидовые отношения (*миләш чыпчыгы* «рябинник, дрозд-рябинник» (*миләш* «рябина» + *чыпчыгы* «ее воробей»), *snowbird* «рябинник, дрозд-рябинник» (*snow* «снег» + *bird* «птица»)), и ИдК с часте-целостными, или парциальными отношениями (*татлы тамыр* «лакрица, солодка» (*татлы* «сладкий» + *тамыр* «корень»), *sweet-root* «лакрица, солодка» (*sweet* «сладкий» + *root* «корень»)). В обоих сравниваемых языках есть, как и ИдК, первый элемент которых является сложным словом (*үги ана яфрагы* «мать-и-мачеха» (*үги ана* «мачеха»+*яфрагы* «ее лист»), *breadfruit tree* «хлебное дерево» (*bread* «хлеб»+*fruit* «фрукт»+*tree* «дерево»)), так и ИдК, второй элемент которых является сложным словом (*саз утчәчәге* «сабельник» (*саз* «болото»+*ут* «огонь»+*чәчәге* «его цветок»), *green foxtail* «мышей щетинник зеленый» (*green* «зеленый»+*fox* «лиса»+*tail* «хвост»)). В обоих сравниваемых языках между компонентами ИдК устанавливается либо константная (*пәйгәмбәр сакалы* «ковыль» (*пәйгәмбәр* «пророк»+*сакалы* «его борода»), *lady's slipper* «башмачок» (*lady's* «дама»+*slipper* «ее туфля»)), либо константно-вариантная зависимость (*бака яфрагы* «подорожник» (*бака* «лягушка»+*яфрагы* «ее листок») – *бака үләне* «подорожник» (*бака* «лягушка»+*үләне* «ее трава»), *sea-dog* «тюлень» (*sea* «море»+*dog* «собака») – *sea-calf* «тюлень» (*sea* «море»+*calf* «детеныш»)).

В конце третьей главы даются краткие выводы.

В заключении излагаются общие выводы диссертационной работы.

При проведении сравнительно-сопоставительного анализа ИдК типологически разных, генетически неродственных, не контактирующих

языков – татарского и английского, выявляются типологические общности и различия. Наличие сходств объясняется тем, что представители обоих народов принадлежат к одной цивилизации, проживают в рамках одного исторического процесса, в общем в одинаковой объективной реальности, также тем, что у представителей разных народов нет отличий в их биологической и социальной сущности, в механизмах мыслительных процессов, в законах мышления. Однако из-за отличий в конкретных географических и климатических условиях проживания, что приводит к отличиям в типах хозяйствования, верованиях, традициях, обычаях, культуре, образе жизни, менталитете, психологических особенностях миропонимания, особенностях строения языковых систем, существуют и различия.

Таким образом, ИдК сами по себе представляют сложное явление языка, так как номинация происходит при помощи опосредованного указания двух качеств предмета, т.е. между названием и реалией нет прямой связи, связь возникает через другую реалию, а иногда даже через две. Как и в любой единице любого уровня языка, в них отражается способ мировосприятия, мировидения, мировоззрения народа, говорящего на этом языке.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

В ведущем рецензируемом журнале ВАК:

1. Галимова Л.Х. Идиоматическое словообразование татарского языка в свете языковой картины мира / Л.Х. Галимова // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины. – Казань: Казанская академия ветеринарной медицины, 2006. – Т. 186. – С. 495-502.

В различных научных сборниках:

1. Галимова Л.Х. Идиоматичное словообразование в свете языковой картины мира / Л.Х. Галимова // Фәнни язмалар. – Казан: Изд-во «Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина», 2006. – С. 46-49.

2. Галимова Л.Х. Культурологический аспект при обучении иностранным языкам / Л.Х. Галимова // Современная торговля и практика. Материалы межвузовской научно-практической конференции 23-24 марта 2006 г. – Казань: Отечество, 2006. – С. 244-246.

3. Галимова Л.Х. Место словообразования в языковой картине мира / Л.Х. Галимова // Яшь галимнәр карашы. – Казан: РИЦ «Школа», 2006. – С. 129-135.

4. Галимова Л.Х. Номинация в свете языковой картины мира / Л.Х. Галимова // Язык и методика его преподавания: Материалы VIII республ. науч.-практ. конф., 14 июня 2006 г. – Казань: Центр инновационных технологий, 2006. – С. 54-57.

5. Галимова Л.Х. Названия животных в татарском и английском языках в свете языковой картины мира / Л.Х. Галимова // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства:

проблемы и перспективы: Международная научно-практическая конференция (Казань, 23-24 июня 2006 г.): Труды и материалы. – Казань: Изд-во Алма-Лит, 2006. – С. 298-300.